

знака в русскую письменность поспособствовали Н.М. Карамзин и Г.Р. Державин, но ввели его под иным названием (черта). Черту чаще всего использовали для единения слов, что соответствует современному дефису. Известны и другие более ранние названия для знака тире. Так, в “Российской грамматике” А.А. Барсова тире именуется странным номинативом – “молчанка”.

Заключение. Современная система знаков препинания является результатом длительного исторического развития. Ее формирование – это динамический процесс, отражающий не только развитие письменности как таковой, но и развитие все возрастающей потребности в более точной, детализированной передаче информации, семантическое поле которой все более расширяется. И в связи с этим уже в ближайшем будущем следует ожидать появления новых пунктуационных форм.

1. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений / АН СССР. – М.: Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 389–578.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4 / В.И. Даль. - М.: Изд-во «Рус. яз.». – 1991. – 683 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1 / В.И. Даль. - М.: Изд-во «Рус. яз.». – 1989. – 699 с.

МОТИВ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ У.Х. ОДЕНА “SONG V”

Борбаченко Д.А.,

студентка 2 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Сенькова О.Ф.

Известно, что стихотворения английского литератора прошлого столетия У.Х. Одена отличаются уникальной образностью, воплощая идеи, порою невыразимые в прозе. Динамика поэзии позволяет лаконично описать одновременно и мятущуюся душу человека в руках судьбы, и его инстинктивный страх перед неизвестным, и силу воли в преодолении сомнений. Актуальным является определение на данной основе особенностей воплощения авторских идей в образах лирических героев в контексте окружающего их пространства, сочетающегося с особым “бэзвременным” хронотопом, и, таким образом, выявление художественного потенциала “поэзии страха”.

Цель данной статьи – проанализировать отражение в лирике У. Одена “вечных” мотивов судьбоносного предостережения, страха перед неизвестностью, неумолимости рока и субъективной способности человеческой души противостоять всему этому.

Материал и методы. Материалом исследования послужило стихотворение “Song V” [1], рассмотренное с помощью контекстуального и сравнительно-исторического методов.

Результаты и их обсуждение. Именно многомерные “вечные” мотивы являются одновременно и темой произведения с довольно абстрактным названием “Song V”, созданного У. Оденем в октябре 1931 г. и впервые опубликованного в сборнике “The Orators”. Стихотворение стало эпилогом к собранию романтических экспериментов со словом за авторством молодого поэта. Намерено данный произведению обобщённо-символический характер контрастирует с основным содержанием сборника, резюмируя его идейность и поэтическую программу. Исходя из тематики “Song V”, лейтмотивом её звучит прославление отваги и осуждение малодушия, юношеская жажда действия.

Данное стихотворение относится к жанру философской лирики, поскольку в качестве базиса выступает целый ряд т.н. “вечных вопросов” о конечности бытия, неизвестности, страхах и сомнениях, из чего и складывается проблематика текста. Например, мрачный мотив неизбежной смерти очевидно главенствует в первых трёх строфах (например, одна из наиболее ярких в смысловом плане строк – “That dusk will delay on your path to the pass”). Однако контекстуальная антитеза, заключённая в ёмкой последней строфе, и особенно – в последней строке, дважды повторяющей ключевые слова “As he left them there”, мгновенно наполняет мотивационный ряд энергией действия, стремления совершить поступок вопреки нерешительности.

Вообще, смелость – текстообразующая подтема “Song V”, противопоставленная таким элементам тематической цепочки о неизвестном будущем, как предостережение (“Yonder’s the midden whose odours will madden”), сомнение (“O do you imagine <...> Your diligent looking discover the lacking”), и даже угроза (“Behind you swiftly the figure comes softly”).

Вопреки всем предостережениям, более подходящим на запугивание, лирический герой, чей обобщённый духовный образ складывается из трёх отдельных – “rider”, “farer”, “hearer”, принципиально следует собственным намерениям, воплощая таким образом авторскую мысль о необходимости быть решительным, несмотря ни на что. При этом какие бы то ни было портретные детали образа лирического героя в тексте отсутствуют, равно как и конкретное описание его устрашающего оппонента. И в свою очередь образы “reader”, “fearer”, “horror” также вполне возможно обобщить в виде некоего мудрого предостерегающего чувства, подобия интуиции, незримо сопутствующей человеку. Но подобие это искажено, ведь заложенное в самой природе людей естественное опасение неизвестного, будущего – словом, “того,

что впереди” – может быть положительным только когда не пересекает границы интуитивной осторожности. Это как раз и отражено в стихотворении У. Одена градацией негативных образов от чрезмерно рационального “reader” к умудрённому не книгами, но жизненным опытом “fearer”, а затем – совсем уж фантастическому “horror”. Примечательно, что данные образы в большей степени абстрактны, чем трио путников, и выступают скорее как их (или же его, цельного лирического героя) внутренние, ментальные качества, нежели реальные существа. Противопоставляются эти шесть образов и в плане динамики, потому что “reader”, “fearer”, “horror” подразумевают пребывание на одном месте, а “rider”, “farer”, “hearer” – наоборот, относительно постоянное движение.

Особый “безвременный” хронотоп произведения делает текст универсальным для любой исторической реальности. Художественное время не обозначено конкретными датами или наречиями, а заключено лишь в формах глаголов (“will delay”, “discover”, “left” etc.), в том числе и с процессуальным значением (“are going”, “burn”, “feel”, “are looking”). Примечательно, что за счёт этого стихотворение не привязано к определённой эпохе или периоду жизни автора, и поэтому остаётся актуальным даже сегодня, побуждая читателя или слушателя переосмыслить свою линию поведения и по-новому оценить возможности, предоставляемые судьбой.

Художественное пространство отображено в данном произведении намного более образно, чем хронотоп. Эпитеты, метафоры и сравнения, которые последовательно описывают таящиеся ужасы, венчаются одиночным наречием “there”, перекрывающим пугающие картины фантастического художественного пространства, представление о котором плавно перетекает от внешнего и открытого (“that valley”, “path to the pass”) ко внутреннему и закрытому (“that gap is the grave”, “this house”). Все эти образы роднит динамичность, делающая композицию текста монтажной: поэт выступает в роли художника слова, рисуя реалистичные образы звуков (“O what was that bird”) и красок (“dusk”, “granite”, “grass”), причём не только за счёт широкого спектра лексических средств, но и с помощью повсеместных аллитераций и ассонанса. Синтаксическая организация стихотворения создает ритм, близкий к заклинательному, в то время как обилие архаизмов приближает его к средневековым балладам. Вместе с синтаксическими фигурами это делает “Song V” похожей на отрывок бардовской поэмы, а также обуславливает своеобразие общей компоновки стихотворения как лиро-эпического философского монолога, воздействующего на читателя весомостью не только слога, но, что важнее, авторской мысли. Здесь следует заметить, что отдельное место в “Song V” занимают образы природы, фактически насыщающие текст “кадрами” художественного пространства. Каждый природный образ целенаправленно и гармонично вплетён поэтом в канву лирического повествования, чтобы оттенить мысли о вечном – будь то жизнь или смерть.

Заключение. Таким образом, в эпилоге к “The Orators” У. Оден воплотил образ решительного преодоления страха перед неизвестностью. И хотя идея не вынесена в название, она хорошо прослеживается в антитезе, на которой строится композиция произведения: противопоставление опасностей и подвига встречи с ними, который совершается не сколько физически, сколько морально, когда сила воли отважного человека торжествует над бесконечными предостережениями мятущихся “рационалистов”. Сомнения оубревают душу личности, свободной, однако, от предрассудков, благодаря чему разум-путник и продолжает жить.

1. Оден, У.Х. O where are you going. [Электронный ресурс] / У. Оден. – Режим доступа: <https://www.best-poems.net/poem/o-where-are-you-going...> – Дата доступа: 01.03.2019

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ АДМЕТНАСЦЬ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ З ПОБЫТАВЫМІ НАЗВАМІ

Булах А.С.,

студэнтка 4 курса ВДУ імя П.М. Машэрава, г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь

Навуковы кіраўнік – Дзядова А.С., канд. філал. навук, дацэнт

Нацыянальна-культурная адметнасць любога народа пэўным чынам выяўляецца праз мову, у тым ліку і праз фразеалагічныя адзінкі. Этнакультурная прастора выразна акумуляюецца і рэпрэзентуецца звычайна ў структуры і значэнні ўстойлівых выразаў, якія змяшчаюць у сваім складзе назвы, што семантызуюць матэрыяльны і духоўны свет таго ці іншага народа. Фразеалагізмы даюць магчымасць лепш зразумець унутраны свет чалавека як прадстаўніка пэўнага этнасу, вызначыць яго асноўныя маральныя каштоўнасці, асаблівасці мыслення, паводзін і звычajaў.

Фразеалагізмы беларускай мовы, у структуру якіх уваходзяць лексічныя адзінкі, семантычна звязаны са сферай побыту, увабралі ў сябе ўсе праявы сацыяльна-культурнага асяроддзя нашага этнасу. З гэтай прычыны даследаванне ўстойлівых выразаў з нацыянальна-культурнай канатацыяй з’яўляецца сёння надзвычай актуальным.